

*Летом 2013 г. я ездила в диалектологическую экспедицию филфака МГУ в д. Вожгора Лешуконского р-на Архангельской области. Очень запомнилась дорога: два поезда (до Архангельска и до Карпогор), два парома (через Мезень), 12 часов на «УАЗике» в тайге – «тайболе» – по барханам, распаханным лесовозами. Сотовой связи в Вожгоре нет. Не всегда можно выбраться из этого населённого пункта. И вообще здесь есть множество проблем, о которых порой не подозревают жители больших городов.*

В деревню Вожгора Лешуконского района Архангельской области, как рассказывают местные жители, порой заходят медведи: есть в лесу нечего. Леса нынче вырубают, поля не засевают. Ну а рассказы о том, что голодные волки зимой воруют цепных собак на Севере стали чем-то привычным. «А у нас «социальник» Печенов с медведем боролся», – сказали мне как-то. Печенов – фамилия не местная. А поскольку информант не является уроженцем здешних мест, записывать его для картотеки Архангельского областного словаря нельзя. Но послушать рассказы одинокого человека мне захотелось, поэтому я пошла в местную больницу, которую власти собираются закрыть, несмотря на сотни подписей местных жителей. Возможно, уже закрыли, как остальные больницы в том районе. Знаете, как сдают анализы в Вожгоре? Санитарка берёт анализы утром в понедельник, отправляет их на самолёте в Архангельск или Лешуконское (только раз в неделю в Вожгору прилетает самолёт). В хорошую погоду до Архангельска на УАЗике по бездорожью (включая паромную переправу) можно доехать часов за 10 – 12. Не каждый больной доедет. Да и стоит поездка для местных жителей, живущих на пенсию, очень дорого (хотя дешевле самолёта). А ведь на эту пенсию надо и дрова на зиму заготовить, и продукты покупать (цены там явно не ниже московских: везти дорого). В общем, пока есть больница, санитарка, первую медицинскую помощь вождорцам (или, как они говорят, «вождоре») и жителям ближайших деревень окажут.

В больнице живут «социальники» – одинокие больные старики, как правило, местные жители, которые в своём доме не выживут: нужно топить печь, готовить... Маленькая комнатка на одного – двух человек: кровать, стул, тумбочка – вот всё их имущество. Разительно отличается от условий московских домов ветеранов. Спонсоры сюда не приезжают: далеко. Санитарки, дежурящие посменно, терпеливо сносят ворчание стариков. Не все пациенты в здравом рассудке, могут самостоятельно передвигаться. Фольклористы из Петербурга, облюбовавшие Вожгору, сюда не заходят. Зря. Например, здесь и в соседней палате можно записать рассказы о жизни. Да и просто дать понять человеку, что он нужен, им интересуются.

«Социальник» Николай Тимофеевич Печенов. 1932 г. р., рассказал о встрече с медведем. Вспомнил, как лет 15–20 назад медведи комбикорма воровали. Он уже давно ослеп. Не помнит точный адрес дочери Елены. Я по приезде в город нашла в Интернете индекс с. Надежка Ермишинского р-на Рязанской области. Но поскольку не всегда письма по бумажной почте доходят, да и долго идут, я решила найти родных «социальника» с помощью Интернета. Нашла e-mail ермишинской средней общеобразовательной школы, описала в письме ситуацию, попросила помочь, но ответа так и не последовало. Ещё я нашла закрытую группу «В контакте» р. п. Ермишь Рязанской области, написала ребятам из группы с просьбой найти брата или дочь Николая Тимофеевича. Буквально на следующий день мне пришёл ответ, что брат «социальника» умер, а дочери они сообщили о том, что её отец ослеп, проживает при сельской больнице. И Елена Николаевна сказала, что поедет за отцом в Вожгору. Надеюсь, последние годы жизни Николай Тимофеевич проведёт с семьёй, а дочь найдёт в себе силы терпеть его сложный характер.



Я всё больше убеждаюсь, что о жизни каждого труженика села можно написать книгу. И будет она не хуже многих повестей и романов. Этим людям есть о чём рассказать. Хочется поведать о нелёгкой жизни этого героя нашего рассказа.

- Дверь открыта – проходите! – приветливо приглашает нас санитарка. - К Вам пришли студенты с Москвы, хотят пообщаться. Рассказывайте про свою жизнь, - говорит она пожилому мужчине, сидящему на кровати, Печенову Николаю Тимофеевичу.

- А где Вы родились?

- Рязанская область. На границе с Горьким. Надежка – деревня. Ермишинский район Рязанской области. Как уехал – считай здесь всю жизнь, почти помер. Я приехал сюда в 55-ом году, после армии. 3 года служил в Литве. 53-й год – Сталин умер, когда я демобилизовался. Я служил в МВД, в ЧК. Погоны были. Там бандеровцев ловили. Насадят полон поезд – их насадят и везут в Сибирь. Капитаном работал на катере, капитан речного флота – лет 17 в Лешуконске. Затем взял – в речной промысел ушел... Потом бочки делал. А сюда приехал – лодки сам колотил.

- А какие-нибудь слова, которые отличаются от рязанских, запомнились?

- Тогда запомнил «надызь» да «оногдызь» да. А так – вроде всё: как у нас, так и здесь.

Я охотился на медведя. Тетёр я много перестрелял: глухарей... Я боролся с медведем: вон шрамы-ти оставил он. Он с меня хотел, наверно, шкуру снять с головы. Не получилось. Покусал он меня. Хватал за суставы, ноги; а руки тоже на сгибах – в локтях.

- А как Вам удалось от него убежать или его убить?

- В общем, ехал я – дороги ровнял, чистил. Навстречу мне товарищ ехал на машине: «Вот я увидел медведя – хотел его задавить». Дорога такая – лежнёвка называется. В общем, медведя подстрелил. Темно. Уехал. Приехал на второй день и опоздал: причина была, помогал товарищу с техникой. Медведь лежал раненый. В общем, я обстрелил да попал вместо сердца в левую лапу – перебил лапу. А до этого ранил его в заднюю ногу. В общем, я его зарезал: он меня кусал, я его резал. Одна рука у меня была искусана – правая. Я стал доставать ножик, а пальцы не держат нож. Я достал левой. А до сердца тянуть надо. Я решил левой рукой – ему лёгкие попихал. В общем, зарезал. Он мне губу откусил. Я в Архангельске 10 месяцев пролежал, а потом ещё 2–3 месяца лежал: операцию мне делали, губу пришивали, от уха до уха разрезали да шкуру натягивали. У меня губа пришта верхняя. Да, вот так...

- А медведь это в деревню повадился ходить?

- Нет. Здесь ходили. На помойки ходили – ягод не было. Это лет 5–7 тому назад. Голодный ли что ли. Сил нету, наверно, с голоду. Вот он в деревню забрёл случайно.

- А где Вы медведя убили?

- Это отсюда, может, километров 15–20. Я не раз встречался с медведем. Один раз шёл, велосипед был с собой. У меня сети были рыболовные – на велосипеде вёз их, харчишки. А зверь, медведь-то, вышел прямо на меня, всё нюхал, искал тоже. И мы с ним встретились. У меня ружьё тут было. Не обратил внимания на ружьё-то: бери и стреляй. Я посмотрел на него – он смотрит на меня. Говорю: «Ты куда прёшь?» Ну, я его матом обругал. Он повернулся да убёг.

- А почему Вы здесь решили остаться, не вернулись в Рязанскую область?

- Когда Сталин был, откуда тебя вызывали – опять туда же в колхоз пихали. А Сталин-то умер, власть переменялась. И стали забирать по вербовке. И вот я, чтоб из колхоза убежать, взял завербовался из части. Таким образом, я из колхоза убёг. На Север я не поехал, а поехал на Украину, в тепло. Там я год пробыл. А сюда много денег по вербовке давали: две тысячи. А вот я за эти две тысячи завербовался опять на Север на два года. Два года я здесь пробыл. За два года я выучился на мастера леса. И пришлось мне – я ещё заключил договор на 3 года: 5 лет пробыл. Потом я уехал. Ну а тут знакомые были, подружка у меня была. Вот и решил опять сюда приехать. Да и работа знакомая. Вот так и остался. Хотел уехать я в Рязань – у меня там брат, дочь есть. Дак, однако, у меня мотоцикл украли. А я хотел на этом мотоцикле уехать в Рязань. И так я не поехал. А тут стал слепнуть.

Депутат – я помогал ему строиться, он меня хорошо знал. Знал, что я и охотник. Он меня подговорил сюда (в больницу) уйти. Осталось жить уж немного – доживу я здесь.

- А дочери пробовали позвонить или написать?

- Как я напишу? Я не вижу.

- А дочь знает, что Вы здесь?

- Знает. Она здесь маленькая была. Та жёнка приехала ко мне сюда, чтоб я опять с ней сошёлся. Она же ушла от меня, потом опять за мной приехала. И дочь привезла. Дочь маленькая была – лет 10, может, было. У меня брат ещё там, на 8 лет моложе меня. Он здесь бывал 2 или 3 раза. В гости приезжал.

Вот так. Они не знают, что сейчас слепой, лежу здесь.

- Может, им сообщить, чтоб приехали за Вами?

- Да уж осталось жить, самый большой срок, ну, лет 5, считаю, может, ещё проживу. Никому не мешаю. Дак у меня здесь еще неродной сын есть: я здесь женатый был. Жёнка умерла. А сын с женой живёт.

- А Вы помните, как война началась?

- Помню. Это в д. Надежка. Отец у меня говорит: «Сосед, я задумал завтра рыбу лучить». Пошли на рыбалку. Сетка небольшая, метров 7–8. Палки на концах, бредень называется. А этот ремешок – как сетка идёт, пихают вдоль берега. Километра 3–4. Раз 5 зашли. Они поймали этих пескарей – небольшая рыбка. А потом у товарища-то жёнка бежит: «Пошли домой! Пошли домой!» А мой отец и того – обоих Тимофеем звали. «Война началась! Война началась!» Ну вот, подошла к нам. С кем воевать? А я помню: война с германцем была. Агитор приезжал – договор со Сталиным: в газетах фотографии были, потом газеты уничтожили все, картинки. Ночи тёплые-тёплые были. Вот так я услышал, что война началась. А отец у меня был пекарем. Хлеб пёк в райцентре, райцентр у нас рядом был – 5 км. На войне туберкулёз ли что ли схватил. После войны от чахотки и умер: лёгкие отвалились.

- А что ели во время войны? Голод же был.

- Картошку весной гнилую собирали, которая оставалась в поле. Она перезимовала. А крахмал оставался. Вот эту картошку особенно. Весной, когда картошку посадят, не остаётся. В колхозе не давали. Своя усадьба была, сорок соток. Овёс сеяли, потом просо сеяли – зерно.

Помню, мать пекла хлеб. А чего она там – где она эту муку брала – кто знает? От свёклы нальёт – молодая свёкла. Нальёт – да чего там посыплет – горсть какую. В общем, не хлеб, а чёрт знает что получалось. И вот очень трудно было дожить до свежины, пока огурцы, помидоры вырастут, картофель. Зимой – картошки накопают. Свиной держали – каждый хозяин поросёнка держал на мясо. Мать держала 3 козы вместо коровы.

- Немцы не отбирали?

- Мы не были под немцем. Наш район или область, наверно, под немцем не были. Немцев я не видел. Но где-то вокруг Москвы они шастали. Эти самолёты бомбить летали Горький через нашу деревню. Друг за дружкой штук 20, потом ещё. Так волнами идут. И слышно - далёко-далёко бомбы-то падают. Взрывы слышны. А ночью. Малый еще был. У меня именины 28 декабря.

- Как Вы узнали, что война закончилась?

- О! Война кончилась – все женщины у нас собрались. Кто полбутылки. Самовар середь деревни. там на улице столы. Вышли. Собрались. По 100 г выпили, может быть: вина-то нету, а купить не на что. И вина-то не было.

- Вещие сны были?

- Про войну не знаю. А то, что я под медведя попал: это я сон видел.

- Это Вы видели задолго до того, как попали под медведя?

- Ночью увидел, а днём встретился.

- Тот медведь, которого Вы ножом убили?

- Тот. Ну и сон я увидел. Вспоминаю.

Вы в Москве учитеесь? А сами откуда?

В Смоленске был проездом: в армию нас везли. Помню, там лекции читали нам.

- А во время войны гадали, кто вернётся?

- Цыган полно было. Я знаю, соседка с цыганами якшалась: погадай да погадай. Позолоти ручку.

- Сбывалось то, что нагадали?

- Да что они набрешут: мол, хорошо будешь жить. Они наобещают, как хорошо будут жить, как славно, всё в достатке. Я то понял так.

А у нас тут базар был рядом: кто что может – рыба, мясо, молоко, сено и скот продавали. Цыгане тут и болтались – тут я их и видел.

- Многие родные с войны не вернулись?

- Процентом 30 не вернулись: знаю, только соседи.

- Те, кто воевал, рассказывали про войну?

- Отец рассказывал случай какой.

А я помню: поехали мы за дровами на лошадях. У отца друг, товарищ его рассказывает: немцы из леса побросали пустые бочки: как она летит и свистит. Так, чепуху, между собой что-нибудь болтают, дорогу короче делают: о чём-то надо болтать.

- Какие Ваши любимые песни о войне?

- Ой, да любимая песня у меня – «Варяг». У моего деда брат родной – в общем, я знал одного, он мне дядя какой-то на седьмой закладке, он как раз на этом «Варяге» воевал. Когда кино вышло про «Варяга», его ребята притянули в кино: «Так? Нет? Было. Так – нет воевали?»

- А он?

- «Ну, похоже».

А этот с «Варяга» дядя-то мой, он был сторож. Сторожил трактора, когда на ночь их оставляли или на ремонт. Помню, его какой-то офицер приезжал – в Москву забирал. Дали ему форму. Ходил в лохмотьях. Ему уж лет 70 было.

- Можем написать, чтобы за Вами приехали. Брату, например.

- Да не мешало бы ему сказать.

- А как брата зовут? Где он живёт?

- В селе Надежка. Ермишинский район: Ермишь. там посёлок Ермишь. Там у нас проходит нефте... Нефть гоняют через трубы. Я не знаю, куда она идёт. В общем, идёт с востока и на запад. Сейчас, говорят, там газ ещё провели. Трубы 90 см в диаметре. Владимир – брат.

- Брат письма не пишет больше?

- Лет 15 тому назад я получил от него письмо. Ему написал. А номера-то на конверте пишутся...

- Индекс.

- Индекс я не написал. Думал: так дойдёт. Не дошло. Заглохло.

- На почте же можно узнать индекс.

- Я на почте уговорил соседа написать: сам худо видел. А он что-то перепутал. Так в ответ письмо и не получил.

- Улица есть?

- Не надо. Дом номер 10. Я и дом сам поставил – своими руками. Сейчас брат в нём живёт.

А дочь к нему ездит – она в Ермиши живёт – километра два. Она к нему ездит. Простынь да занавески стирать.

Никакого у нас с Вами разговору не получилось.

Дочери я адреса не знаю, а она к брату ездит – всё равно попадёт к дочери. Дочь – Елена Николаевна, а фамилия – не знаю. Она замуж выходила, при мне – за второго выходила. Одна фамилия по мужу – Леонова. Я с этой жёнкой не расписывался. Она отсюда, здешняя. Кирина. Дочь – Кирина Елена Николаевна. Ей как раз вчера сровнялось 50 лет. Именины вчера были. Хотел я выпить – да тут не дадут. Слепой – слепой и есть.

Я курить хочу. Пойду в ванную. А вы пока вопросы обдумайте...